

УДК 398.22(=512.212)
DOI 10.25587/SVFU.2019.16.44313

А. Н. Варламов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

БАЙКАЛ В ЗАЧИНАХ ЭВЕНКИЙСКОГО ЭПОСА: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАРОДИНЕ ТУНГУСОВ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме эпического историзма, теоретические основы которого были разработаны в XX в. отечественными исследователями фольклора А. Н. Веселовским, В. Я. Проппом, Б. Н. Путиловым и др. На примере фольклора эвенков исследуется степень эпического историзма в эпических традициях этноса.

В исследовании рассматриваются зачины эвенкийских героических сказаний с целью определения географических сведений об исторической прародине тунгусов. Опираясь на гипотезу Г. М. Василевич, автор анализирует тексты зачинов сказаний, привлекая сведения смежных научных дисциплин – лингвистики, этнографии, археологии, палеоэкологии, географии, генетики.

В результате анализа фольклорных текстов автор выдвигает предположение о Байкале как древней прародине тунгусо-маньчжурских народов в эпоху позднего неолита. В описании Родины эпического героя проявляются отчетливые географические характеристики Байкала и сопредельных территорий. В зачинах эвенкийских сказаний повествуется об эволюции сибирских ландшафтов в эпоху голоцена, когда под влиянием тектонических и климатических процессов происходила постепенная смена горной тундры на горную тайгу. Согласно гипотезе о байкальском происхождении тунгусов, прототунгусский культурный комплекс возник на основе серовской и глазковской культур неолита в Прибайкалье-Забайкалье. Результаты археологических, этнографических, генетических исследований позволяют предполагать под носителями названных неолитических культур предков тунгусо-маньчжурских народов. Локализация этих культур соотносится с географическими сведениями эвенкийских нимнгаканов. Также исследователь высказывает мнение о перспективности использования междисциплинарного подхода к исследованию фольклорных традиций для решения актуальной проблематики этногенеза и истории народов Сибири и Дальнего Востока.

Работа представляет интерес для специалистов широкого круга научных дисциплин, прежде всего, фольклористов, чьи научные интересы сопряжены с дальнейшими разработками в области историзма устного народного творчества, в частности, со спецификой эпического историзма. Также результаты исследования могут оказаться полезными для этнографов и специалистов по истории Сибири и тунгусо-маньчжурских народов.

Ключевые слова: эпический историзм, историзм фольклора, эвенкийский эпос, нимнгакан, история тунгусов, история эвенков, прародина тунгусо-маньчжурских народов, неолит Байкала, серовская неолитическая культура, глазковская неолитическая культура.

А. Н. Varlamov

Baikal in the introductions of Evenki epic: to the question of the historical ancestral home of the Tungus

Abstract. The article is dedicated to the problem of the epic historicism, the theoretical basics of which were developed in the 20th century by Russian researchers A. N. Veselovsky, V. Ya. Propp, B. N. Putilov etc. On the example of Evenki folklore, the measure of epic historicism is being researched in the epic traditions of ethnos.

ВАРЛАМОВ Александр Николаевич – д. филол. н., с. н. с. сектора Северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия.

E-mail: ataki2006@yandex.ru

VARLAMOV Alexandr Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of North Philology Sector, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakutsk, Russia.

E-mail: ataki2006@yandex.ru

The introductions of Evenki heroic legends are considered in the research in order to determine geographical information on historical ancestral home of Tungus. Based on the hypothesis of G. M. Vasilevich, the author analyzes the texts of legends' intonations, attracting the information from related disciplines such as linguistics, ethnography, archeology, paleoecology and genetics.

As a result of folklore texts' analysis the author makes an assumption about Baikal as an ancient ancestral home of the Tungus-Manchu people in the Late Neolithic. In the description of the epic hero's homeland, distinctive geographical characteristics of Baikal and neighboring territories appear. The intonations of Evenki heroic legends tell about evolution of Siberian landscapes in the Holocene era, when the gradual change of the mountain tundra to the mountain taiga occurred under the influence of tectonic and climatic processes. According to the hypothesis of Baikal origin of the Tungus, prototungus culture arose on the basis of Serov and Glazkov cultures of Neolithic in the Baikalia-Transbaikalia. The results of archeological, ethnographic, genetic research suggest the representatives of Serov and Glazkov cultures as the ancestors of the Tungus-Manchu people. Localization of these cultures correlated with geographic information of Evenki nimngakans.

Also, the researcher expresses the opinion on the promise of using the multidisciplinary approach to doing research into folklore traditions for solving the relevant problems of Siberia and Far East people's ethnogenesis and history. The research is of interest to the specialists of a wide range disciplines, especially for folklorists, the interests of which are connected with the future works in the historicism area of folklore. Moreover, the results of research can be useful for ethnographers and specialists of Siberia's history and the Tungus-Manchu people's history.

Keywords: epic historicism, historicism of folklore, Evenki epic, nimngakan, history of the Tungus, history of the Evenks, ancestral home of the Tungus-Manchu people, neolithic of Baikal, Serov neolithic culture, Glazkov neolithic culture.

Введение

Проблема эпического историзма длительное время остается актуальной в отечественной и зарубежной фольклористике. Идея о фольклоре как историческом источнике, получив качественные теоретические предпосылки в работах А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, Е. М. Мелетинского и др. известных фольклористов, к настоящему времени остается недостаточно разработанной, в частности, в отношении фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. На наш взгляд, обращение к теории эпического историзма в настоящее время имеет существенные перспективы при условии применения междисциплинарного подхода к исследованию устного народного творчества. Результаты исследований по этнографии, лингвистике, археологии, генетике, палеоботанике и др. научным дисциплинам позволяют с большим пониманием и объективностью обращаться к проблеме историзма фольклора и этнической истории. Существующие примеры междисциплинарного подхода к изучению этнической истории и устного народного творчества демонстрируют перспективность научного направления. Например, одним из примеров удачного междисциплинарного исследования может служить коллективный труд «Этническая геномика якутов (народа саха)», в котором творческому коллективу специалистов различных наук удалось сопоставить этнографические, исторические, фольклорные сведения для представления комплексного популяционного и молекулярно-генетического исследования якутов [1].

Высокая степень историзма является специфической чертой архаического фольклора «бесписьменных народов», благодаря которой по законам разных жанров из поколения в поколение передавались важнейшие сведения об истории этноса. Эта специфическая черта архаического фольклора обусловлена функциональной взаимосвязью с бытом и этнической историей, высокой степенью инклюзивности – вовлеченности «всей фольклорной культуры и отдельных конкретных ее слагаемых в систему жизнедеятельности этноса» [2, с. 59, 73]. Еще в 80-х гг. XX в. В. М. Гацак, привлекавший в работах материалы якутского олонхо, указывал на присутствие особой формы историзма в героическом эпосе народов Сибири [3, с. 10].

В предыдущих исследованиях мы рассматривали специфику историзма фольклора на примере устного народного творчества эвенков. В частности, предпринимали попытку определения исторической прародины тунгусов, основываясь на традициях устного народного творчества тунгусо-маньчжурских народов. Анализ эпического наследия, мифологии, этнографии эвенков и других народов тунгусо-маньчжурской группы, а также обращение к результатам исследований

смежных наук, позволили выдвинуть предположение о байкальской прародине тунгусов [4, с. 68-84]. Предположение основано на гипотезе Г. М. Василевич о байкальском происхождении тунгусов в поздненеолитическую эпоху [5, с. 39-40].

Дальнейшее исследование эпического наследия эвенков позволяет подкрепить существующую гипотезу новыми данными. В настоящем междисциплинарном исследовании будет проведен анализ зачинов эвенкийских сказаний (нимнгаканов) с целью выявления географических сведений о родине эвенкийского эпического героя. Также будет представлен анализ приближенных хронологических границ, охватываемых зачинами нимнгаканов.

География в зачинах эвенкийских нимнгаканов

Итак, обратимся к зачинам эвенкийских сказаний-нимнгаканов, сохранившим подробные географические сведения, уточняющие расположение предполагаемой исторической прародины тунгусов. В зачинах многих эвенкийских нимнгаканов место рождения эпического богатыря – предка эвенков описывается географически весьма подробно, при этом в описании нередко иносказательно или весьма точно указывается Ламу – Байкал, как, например, в зачине сказания «Храбрый Содани-Богатырь»:

*Эр бугава екун мочи-чулакан
Буга биркэ болла гуннэ
Аят уйдэнэ ичэми биһэмдэ,
Умун далай морала ири
Ахун-да аксанин эһи савра биралкан одан,
Дулин дундэ оёлин онёвно овча
Эне биралкан одан [6, с. 126].*

– Какие выросли на этой земле
травы-деревья, –
На средней земле, оказывается,
Были, словно узоры, одна большая река
И бессчетные [речки],
Впадающие в одно огромное море
[6, с. 127].

Байкал в данном тексте символизирует характерная формулировка, традиционная для зачинов эвенкийских сказаний – «бессчетное количество рек, впадающих в одно море» (эвенки всегда называли Байкал морем). Известно, что Байкал обладает уникальной географической характеристикой – в него впадает 336 рек, а вытекает всего одна – Ангара. Также в приведенном примере текста следует обратить внимание на эпитет «далай» в тексте зачина, который в эвенкийском и солонском языках (заимствование из монгольских языков) употребляют применительно к понятию «море» вообще и гидрониму Байкал в частности [7, с. 193].

Как правило, в содержании зачина уточняется, что герой-богатырь живет в самой середине средней земли Дулин Буга, ассоциируемой эвенками с Сибирью в целом. В некоторых эпических текстах эвенков местожительство героя описывается с достаточно точными географическими характеристиками. Например, в одном из наиболее крупных эвенкийских нимнгаканов «Иркисмондя-богатырь» родина богатыря описывается так:

*Эр бугава хоролихинчана
Дилача иктэткэкин даптулкан,
Дилача йуктэткэкин дэрэлкэн
Эйээнэ бира оскечэ-балдича-ивит,
Коһор ууняки,
Коһуругачинин едук-кат кирасивай кирегин
оскечэ-ивит.
Тар-да некэксэжэн, мора тогойун додун
Оскечэ букачанһачин дундэ бичэ.
Едук-та эдин-коллорук иктэксэнин
Олус мускаттак буга-ивит [8, с. 99].*

По этой земле протекала большая река
С устьем где-то на западе,
С истоком где-то на востоке,
И были ее берега красивы и круты,
Как клюв черного гуся.
Тем не менее, эта страна была словно
остров в заливе моря:
На ней постоянно дули сильные ветры
и кружились вихри [8, с. 202].

Если предполагать под родиной эпического богатыря территории вокруг Байкала, то крупных рек с истоком на востоке и устьем на западе, впадающих в Байкал, всего две – Баргузин и Верхняя Ангара, которая географически (течение с востока на запад) в большей степени подходит под приведенное эпическое описание.

Весьма интересна вторая часть отрывка текста, в которой говорится об острове, под описание которого весьма подходит о. Ольхон. В зачине сказания повествуется об «острове в заливе моря». Действительно, о. Ольхон, расположенный в центральной части Байкала, отделён от материка проливами Малое море и Ольхонские Ворота. При этом пролив Малое Море по форме в большей степени похож на морской залив. Для выявления важной дополнительной характеристики следует представить уточненный перевод отрывка приведенного текста с описанием острова:

*Тар-да некэксэжэн, мора тогойун додун
Оскечэ букачануачин дундэ бичэ* [8, с. 99].

Эта-то земля островом,
Подобно шкурке соболя в заливе моря
находилась [8, с. 202].

Если обратить внимание на форму острова, то заметно, что Ольхон имеет вытянутую форму, условно напоминающую шкурку пушного зверька. Также, соответственно эпическому описанию, одной из ярких климатических характеристик о. Ольхон является обилие разных сильных ветров. Здесь около половины дней в году дуют сильные ветры. Например, самый мощный байкальский ветер «Сарма» – сильный, шквалистый ветер из долины горной реки Сарма, впадающей в пролив Малое Море [9, с. 131].

Стоит отметить, что этимология топонима «Ольхон» в научной литературе однозначно не определена. Наиболее популярной является версия происхождения топонима «Ольхон» во взаимосвязи с бурятским словом «лесок»: «ой – “лес”, хан, хон, хэн – суффикс уменьшительно-ласкательной формы; ой-хон – “лесочек” или “немного лесистый”». Действительно, остров залесен, но значительная часть острова занята степями. Объяснение некоторых авторов, что *Ольхон* означает “сухой”, или “лесной дух”, или “хозяин леса”, неверно» [10, с. 147]. Е. В. Сундуева предполагает происхождение топонима во взаимосвязи с архаической лексемой монгольского языка «olqan» – «суша, холм» [11, с. 6]. Этимологию топонима можно также объяснить во взаимосвязи с лексемой «олги, олго, олхо», встречающейся во всех тунгусо-маньчжурских языках. Кроме этого, в маньчжурском языке встречается точное фонетическое совпадение рассматриваемого этнонима: *олхон, олхокон* – «сухой, суша» [12, с. 12-13]. В этой связи этимологическое предположение оправдано в определенной степени климатическими особенностями острова. Ольхон называют самым засушливым и самым солнечным местом Иркутской области. Климат острова континентальный, с малоснежной зимой и сухим, солнечным летом. На острове выпадает очень малое количество осадков – не более 200 мм в год [13, с. 82-83].

В зачинах некоторых сказаний родина эвенкийского богатыря описывается подробно с географическими описаниями соответственно сторонам света. Приведем пример зачина из сказания «Дулин буга Торгандунин» («Торгандун Среднего Мира»):

*Билир-билир
Илан сивир
Мойкан сергачинин сериһилдывнал оскедечэл
уһу...
... Эр буга биһэмдэ дагава-да, горово-до
бинэвэн*

– Давным-давно
Три мира появились
Подобно прислушивающимся ушам
годовалого дикого оленя...
... Долго ли, коротко ли существовала эта
земля,

*Үи-дэ эһин сара.
Эр буга биһэмдэ йэгин-дян йэгин эйэнэ
биралкан ивит,*

Никто не знает.
На ней было девяносто девять больших
рек,

*Надан-дян надан элэгвнэ ири силэлкэн ивит...
... Эр буга биһэмдэ дэлпэлгэри дулмалин
Илан оһилкэн эһи доһоторо мора оскечэ ивит.
Эр йэгин-дян йэгин бира тала ивкил ивит.
Эрэ илин ичэһинми,
Илан багдарин мэунун урэ угу нянныла
угалачадяри гугдал ивит.*

Семьдесят семь малых заливных рек...
...На самой середине этой страны
Было незамерзающее море из трех русел.
Эти девяносто девять рек впадали в него.
Если посмотреть на восток,
Было три достигающие неба серебряные
горы.

*Эрэ согуру ичэһинми,
Баргун эһи ичэврэ
Солкомо чукалкан эмүэ конулкан ивит.
Эрэ арга ичэһинми,
Аксанин, гэрбин эһи савра
Дэлэй кэтэ алаһилкан ивит.
Тара коту ичэми, һулин эһи ичэврэ
Мэһүмэ мулкэн амудилкан ивит [14, с. 30, 32].*

Если посмотреть на юг,
Было необъятное взором поле,
Покрытое шелковистой травой.
Если на запад посмотреть,
Было множество лугов и полей,
Ни количество, ни названий которых
не упомнишь.
А если посмотреть на север,
Было бескрайнее озеро с серебристой
водой [14, с. 31-33].

Как и в приведенных ранее примерах в данном зачине использована описательная формулировка множественности рек, впадающих в незамерзающее море в самой середине эпической страны. «Море и 99 впадающих рек», по нашему мнению, символизируют Байкал с его многочисленными притоками.

Дальнейшее эпическое описание родины героя – Средней Земли, в соответствии со сторонами света, все в большей степени ориентирует слушателя и исследователя, указывая на территории вокруг Байкала. Далее поясним подробно:

1. «Если посмотреть на восток, / Было три достигающие неба серебряные горы» – именно к востоку от Байкала простирается непрерывная гряда горных хребтов, сменяющих друг друга вплоть до побережья Охотского моря. Т. е. под эпическим эпитетом «три серебряные горы», вероятно, следует понимать горно-таежную зону Восточной Сибири.

2. «Если посмотреть на юг, / Было необъятное взором поле, / Покрытое шелковистой травой» – вероятно, имеется в виду степная зона Забайкалья, Внутренней Монголии и смежных территорий, располагающихся к югу от Байкала.

3. «Если на запад посмотреть, / Было множество лугов и полей, / Ни количество, ни названий которых не упомнишь» – схожий ландшафт наблюдается на широкой площади именно к западу от Прибайкалья, Забайкалья.

4. «А если посмотреть на север, / Было бескрайнее озеро с серебристой водой» – к северу от Байкала располагаются окраинные территории Таймыра и Якутии, имеющей одним из своих фольклорных эпитетов «страна тысячи озер». В нашем случае в тексте зачина, таким образом, вероятно, описывается зона тундры.

Как видим, зачины эвенкийского эпоса имеют весьма подробные географические описания, в которых обнаруживаются не только отчетливые черты сибирского ландшафта в целом, но и конкретные географические признаки, сопоставимые с территориями вокруг Байкала.

Эволюция сибирского ландшафта в зачинах эвенкийского эпоса

Данное исследование было бы неполным, если бы мы не попытались обозначить хронологические границы, охватываемые эвенкийскими эпическими традициями. В предыдущих работах мы отмечали специфику историзма эпического наследия эвенков, в котором до нашего времени сохранены не только важнейшие этапы становления этноса, но и знания древнего общества доэтнической эпохи. Подобно мифологии, знания и представления общества древней эпохи содержат и зачины эвенкийских нимнгаканов, повествование в которых описывает, в частности, последовательное развитие сибирских ландшафтов, флоры и фауны.

Зачины многих нимнгаканов повествуют о том, как рождалась земля в доэтническую эпоху, формулируя древние знания в виде эпических описаний, сопоставимых с научными знаниями об окружающем мире и, в частности, об эволюционных процессах в Сибири. Все эвенкийские сказания начинаются с зачина – описания окружающей действительности и времени, в котором живет одинокий герой-охотник. Описывая зачины сказаний эвенков, Г. М. Василевич писала: «В нимнгаканах во вступлении дается картина начала становления окружающей природы и указывается, чем жил герой охотник, не имевший даже собаки, питавшийся мясом диких животных и одевавшийся в их шкуры» [8, с. 5]. Приведем пример зачина эвенкийского эпоса:

«Давным-давно, когда на самой середине земли дерево, как травка, выросло, а гора, как холмик, подымалась, когда уранхаев не было, когда зверей было мало, и лиственниц больших

не было, жил один парень. Этот парень сделал себе жилище – чум из маленьких стволов полярной березки» [15, с. 57-58, 213].

В приведенном выше зачине сказания, при помощи специфических «хронологических маркеров» описываются определенные природно-климатические условия – «дерево, как травка, вырастало, а гора, как холмик, подымалась... лиственниц больших не было... жилище – чум из маленьких стволов полярной березки», характерные для тундрового, полярного ландшафта. Исследователями в области археологии, геологии и других наук о земле зафиксировано неоднократное глобальное изменение ландшафтов земли за время ее эволюции, когда тропические леса сменялись тундрой, а тундровые и лесотундровые ландшафты сменялись на таежные и горно-таежные. Причинами этих явлений становилось изменение климатических, тектонических и прочих природных условий.

Предположительно, характеристика состояния природы и земли, отображенная в зачине эвенкийских сказаний, относится к периоду последнего ледникового периода (25-10,5 тыс. лет назад). Именно в конце этого периода (в верхнем палеолите, голоцене), согласно исследованиям ряда геологических и археологических работ по типам и периодизации ландшафтов Сибири, происходило постепенное изменение распространенных повсеместно тундровых и лесотундровых ландшафтов на таежные, горно-таежные, а также на степные и лесостепные. Именно это глобальное природное явление и послужило объективной причиной для возникновения мощного импульса в развитии человека и приобретении первобытными сообществами ряда знаний, умений, сопряженных с кардинальным изменением типа хозяйствования. Применение геологического и палеоботанического анализа слоев почв позволило ученым восстановить сведения о ландшафтах того периода, когда отступление последнего ледникового периода повлекло кардинальное изменение ландшафта, флоры и фауны [16, с. 44].

Очень схожее описание окружающей действительности характерно для всех зачинов сказаний об одиноком герое. В этих описаниях особо подчеркиваются характеристики растительного покрова земли, в котором явно преобладает карликовая берёза и кустарниковые растения: «когда на этой земле стланник-кедр только начинал топорщиться, когда багульник только зацветал. Если внимательно взглядеться – мелкорослый березняк только подымал пушистые ветви» [15, с. 82, 234].

Подтверждением предположения о том, что в зачинах эвенкийских нимнганов описывается период завершения последнего ледникового периода, могут быть сведения о повсеместном преобладании карликовой березки и кустарниковых растений при незначительном присутствии других древесных пород, что характерно для типичного тундрового ландшафта. Исследованию древних ландшафтов придавали важнейшее значение известные исследователи древности Сибирских регионов, т. к. это помогало датировать те или иные находки. А. П. Деревянко, подробно исследовавший дальневосточный регион, также опирался на почвенный анализ, подтверждающий преобладание горного тундрового ландшафта и его постепенную смену на горно-таежный [17, с. 22]. Палеоботанический анализ остатков растительности в сохранившихся торфяниках северо-запада и востока Сибири также подтверждает сведения о преобладании горного тундрового ландшафта Сибири в сарганском периоде [18, с. 75]. Анализ спорово-пыльцевых спектров почвы, в определенной степени, также подтверждает приведенные выше предположения [19, с. 201-202].

Следует уточнить, что предполагаемая доисторическая эпоха эволюции сибирских ландшафтов, отображенная в зачинах нимнганов, не указывает на тождественную древность этноса, а скорее демонстрирует природно-климатические условия, сопровождавшие развитие человеческого общества в Сибири. Если же кратко попытаться обозначить эпоху этногенеза тунгусо-маньчжурских народов, то за помощью вновь потребуется обратиться к гипотезе Г. М. Василевич.

Прототунгусы в эпоху байкальского неолита

Хронологические границы байкальского этногенеза прототунгусов, согласно гипотезе Г. М. Василевич, обозначаются поздним неолитом и связываются с «глазковской» и предшествовавшей ей «серовской» археологическими культурами Прибайкалья. Исследователь выдвинула данное предположение, основываясь на лингвистическом, этнографическом и

археологическом материале [20]. К эпохе позднего неолита Г. М. Василевич относил появление ряда важнейших элементов материальной культуры эвенков: берестяной лодки, широких охотничьих лыж, кочевой люльки, поняги, легкого распашного типа одежды и др. Например, появление широких охотничьих лыж и легкой кочевой люльки в комплексе материальной культуры древних тунгусов связывается с появлением такого революционного инструмента как тесло в серовскую эпоху байкальского неолита [21, с. 27]. К эпохе позднего неолита относится и возникновение тунгусского распашного типа одежды, появление которого Г. М. Василевич связывает с распространением кочевого типа хозяйства у древних тунгусов [22, с. 169-171]. Археологические реконструкции одежды неолитических глазковцев по расположению украшений в могильниках позволили обнаружить типологическое сходство с одеждой современных эвенков и эвенов [23, с. 200].

К настоящему времени наука пополнилась новыми научными результатами, способными подтвердить гипотезу известного тунгусоведа. Так, например, последние генетические исследования подтверждают гипотезу Г. М. Василевич, отмечая выделение древнего тунгусского этнического ядра в неолитическую эпоху: «начало дифференциации современных народов Сибири лежит в эпохе неолита, и именно в Прибайкалье развитого неолита наблюдается выделение тунгусского ядра сибирского митохондриального генофонда» [24, с. 18].

Памятники глазковской археологической культуры распространены весьма широко вдоль побережья Байкала. К примеру, к числу известных памятников глазковской культуры, в числе которых «Глазковский некрополь» на р. Ангара, «Фофановская многослойная стоянка» в дельте р. Селенга и др., недавно прибавилась находка парного глазковского погребения на побережье Малого моря в месте впадения р. Сарма [25].

Заключение

Как видим, тексты зачинов эвенкийских сказаний содержат типологические описания географического характера. Устойчивые эпические формулировки («бесчисленное количество рек, впадающих в одно море», «99 рек, впадающих в одно море»), а также географические описания сопредельных территорий согласно сторонам света (горные массивы на востоке, степные ландшафты на юге, широкие луговые равнины на западе и бесчисленные озера на севере) позволяют предполагать, что родиной эпического богатыря эвенков являются территории, расположенные вблизи Байкала. Данное предположение подтверждается также подробными географическими сведениями, встречающимися в некоторых эпических текстах, например, отчетливое сходство родины героя с о. Ольхон в сказании «Иркисмондя-богатырь». Согласно одной из популярных гипотез об истории происхождения тунгусов, формирование древнего ядра предков современных тунгусо-маньчжурских районов происходило в позднем неолите на основе серовской и глазковской культур байкальского неолита, локализация которых соотносится с географическими сведениями эвенкийских нимнганов.

Таким образом, географические сведения зачинов эвенкийских сказаний, обозначающие, по нашему мнению, территории вокруг Байкала в качестве родины героя эвенкийского эпоса, подтверждают гипотезу Г. М. Василевич о байкальском происхождении тунгусов в неолите. Подобный пример анализа специфики исторической поэтики демонстрирует перспективность междисциплинарного подхода к исследованию фольклорных традиций для решения актуальной проблематики этногенеза и истории народов Сибири и Дальнего Востока.

Литература

1. Этническая геномика якутов (народа саха): генетические особенности и популяционная история / Л. А. Тарская, А. И. Гоголев, Г. И. Ельчинова и др. – М.: Наука, 2009. – 271 с.
2. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. – М.: Наука, 1976. – 326 с.
3. Гацак В. М. Поэтика эпического историзма во времени // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. – М.: Наука, 1980. – С. 8-47.
4. Варламов А. Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков. – СПб.: Лань, 2018. – 308 с.
5. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII-начало XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 304 с.

6. Эвенкийские героические сказания / Сост. А. Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 1990. – 392 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (на эвенкийском и русс. яз.)
7. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 1. – Л.: Наука, 1975. – 672 с.
8. Фольклор эвенков Якутии / Сост. А. В. Романова, А. Н. Мыреева. – Л.: Наука, 1971. – 330 с.
9. Прох Л. З. Словарь ветров. – Л.: Гидрометеиздат, 1983. – 199 с.
10. Мельхеев М. Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутская и Читинская области. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1969. – 185 с.
11. Сундусева Е. В. Топонимия Ольхона и Приольхонья (семантика онимических основ). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 128 с.
12. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 2. – Л.: Наука, 1977. – 992 с.
13. Дементьева Е. Д. Оценка рекреационно-климатического потенциала острова Ольхон // Экология и природопользование: прикладные аспекты: материалы VII Международной научно-практической конференции (Уфа, 3-7 апреля 2017 г.). – Уфа: Аэтерна, 2017. – С. 82-85.
14. Дулин Буга Торгандунин – Торгандун среднего мира / Сост. А. Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2013. – 856 с. (на эвенкийском и русс. яз.)
15. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Сост. Г. М. Василевич. – Л.: Наука, 1966. – 400 с.
16. Кривоногов С. К. Стратиграфия и палеогеография Нижнего Прииртышья в эпоху последнего оледенения. – Новосибирск: Наука, 1988. – 230 с.
17. Деревянко А. П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. – Новосибирск: Наука, 1983. – 216 с.
18. Кинд Н. В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 255 с.
19. Попова А. И. Спорово-пыльцевые спектры отложений левого берега реки Алдан у поселка Белькачи // Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. – М.: Наука, 1969. – С. 201-202.
20. Василевич Г. М. Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков): докл. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. ИЭ. – Л., 1968. – 67 с.
21. Василевич Г. М. Тунгусская колыбель (В связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров) // Сб. Музея Антропологии и этнографии. Вып. 19, 1960. – С. 5-28.
22. Василевич Г. М. Тунгусский кафтан (К истории его развития и распространения) // Сборник МАЭ. – 1958. Т. 18. – С. 122-178.
23. История Сибири с древнейших времен до наших дней Т. 1. Древняя Сибирь / под ред. А. П. Окладникова. – Л.: Наука, 1968. – 454 с.
24. Рычков С. Ю. Полиморфизм митохондриальной ДНК в населении Прибайкалья эпохи неолита: дисс. ... к. биол. н. – М., 2004. – 128 с.
25. Кичигин Д. Е., Емельянова Ю. А., Коростелев А. М. Парное погребение раннего бронзового века могильника Мыс Юга // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 15, № 2. – Иркутск, 2019. – С. 29-46.

References

1. *Jetnicheskaja genomika jakutov (naroda saha): geneticheskie osobennosti i populjacionnaja istorija* [Ethnic genomics of the Yakuts (Sakha people): genetic characteristics and population history]. L. A. Tarskaja, A. I. Gogolev, G. I. El'chinova i dr. Moscow, Nauka, 2009, 271 p.
2. Propp V. Ja. *Fol'klor i dejstvitel'nost'. Izbrannye stat'i* [Folklore and reality. Selected articles]. Moscow, Nauka, 1976, 326 p.
3. Gacak V. M. *Pojetika jepicheskogo istorizma vo vremeni* [The poetics of epic historicism in time]. In: *Tipologija i vzajmosvjazi fol'klora narodov SSSR* [Typology and the relationship of folklore of the peoples of the USSR]. Moscow, Nauka, 1980, pp. 8-47.
4. Varlamov A. N. *Specifika istorizma v fol'klоре jevenkov* [The specificity of historicism in the Evenki folklore]. Saint Petersburg, Lan', 2018, 308 p.
5. Vasilevich G. M. *Jevenki. Istoriko-jetnograficheskie očerki (XVIII - nachalo XX v.)* [Evenki. Historical and ethnographic essays (XVIII-early XX century)]. Leningrad, Nauka, 1969, 304 p.

6. *Jevenkijskie geroicheskie skazanja* [Evenki Heroic Tales]. Sost. A. N. Myreeva. Novosibirsk, Nauka, 1990, 392 p. (*Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore monuments of the peoples of Siberia and the Far East]). (In Evenki and Russ. lang.)
7. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov* [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages]. Otv. red. V. I. Cincius. Vol. 1. Leningrad, Nauka, 1975, 672 p.
8. *Fol'klor jevenkov Jakutii* [Folklore Evenki of Yakutia]. Sost. A. V. Romanova, A. N. Myreeva. Leningrad, Nauka, 1971, 330 p.
9. Proh L. Z. *Slovar' vetrov* [Dictionary of the winds]. Leningrad, Gidrometeoizdat, 1983, 199 p.
10. Mel'heev M. N. *Geograficheskie nazvanija Vostochnoj Sibiri. Irkutskaja i Chitinskaja oblasti* [Geographical names of Eastern Siberia. Irkutsk and Chita regions]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1969, 185 p.
11. Sundueva E. V. *Toponimija Ol'hona i Priol'hon'ja (semantika onimicheskikh osnov)* [Toponyms of Olkhon and Priolkhonye (semantics of onymic foundations)]. Ulan-Ude, Izd-vo BNC SO RAN, 2010, 128 p.
12. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov* [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages]. Otv. red. V. I. Cincius. Vol. 2. Leningrad, Nauka, 1977, 992 p.
13. Dement'eva E. D. *Ocenka rekreacionno-klimaticheskogo potenciala ostrova Ol'hon* [Assessment of the recreational and climatic potential of Olkhon Island]. In: *Jekologija i prirodopol'zovanie: prikladnye aspekty: materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Ufa, 3-7 aprlja 2017 g.)* [Ecology and Nature Management: Applied Aspects. VII International Scientific and Practical Conference (Ufa, April 3-7, 2017)]. Ufa, Ajetera, 2017, pp. 82-85.
14. *Dulin Buga Torgandunin – Torgandun srednego mira* [Dulin Buga Torgandunin – Torgandun the Middle World]. Sost. A. N. Myreeva. Novosibirsk, Nauka, 2013, 856 p. (In Evenki and Russ. lang.)
15. *Istoricheskij fol'klor jevenkov. Skazanja i predanja* [Historical folklore of the Evenkis. Tales and Traditions]. Sost. G. M. Vasilevich. Leningrad, Nauka, 1966, 400 p.
16. Krivonogov S. K. *Stratigrafija i paleogeografija Nizhnego Priirtysh'ja v jepohu poslednego oledeneniija* [Stratigraphy and paleogeography of the Lower Irtysh region during the last glaciation]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 230 p.
17. Derevjanko A. P. *Paleolit Dal'nego Vostoka i Korei* [Paleolithic of the Far East and Korea]. Novosibirsk, Nauka, 1983, 216 p.
18. Kind N. V. *Geohronologija pozdnego antropogena po izotopnym dannym* [Geochronology of the late anthropogen according to isotopic data]. Moscow, Nauka, 1974, 255 p.
19. Popova A. I. *Sporovo-pyl'cevyje spektry otlozhenij levogo berega reki Aldan u poselka Bel'kachi* [Spore-pollen spectra of sediments of the left bank of the Aldan River near the village of Belkachi]. In: Mochanov Ju. A. *Mnogoslojnjaja stojanka Bel'kachi I i periodizacija kamennogo veka Jakutii* [Multilayer site of Belkachi I and the periodization of the Stone Age of Yakutia]. Moscow, Nauka, 1969, pp. 201-202.
20. Vasilevich G. M. *Jevenki (k probleme jetnogeneza tungusov i jetnicheskikh processov u jevenkov)* [Evenki (to the problem of ethnogenesis of the Tungus and ethnic processes among Evenks)]. Dokl. na soisk. uch. step. dokt. ist. nauk. Leningrad, 1968, 67 p.
21. Vasilevich G. M. *Tungusskaja kolybel' (v svjazi s problemoj jetnogeneza tunguso-man'chzhurov)* [Tungus cradle (in connection with the problem of ethnogenesis of the Tungus-Manchus)]. In: *Sb. Muzeja Antropologii i jetnografii. Vyp. 19*. [Collection of Museum of Anthropology and Ethnography. Iss. 19]. 1960, pp. 5-28.
22. Vasilevich G. M. *Tungusskij kaftan (k istorii ego razvitija i rasprotranenija)* [Tungus kaftan (On history of its development and distribution)]. In: *Sb. Muzeja Antropologii i jetnografii. Vyp. 18*. [Collection of Museum of Anthropology and Ethnography. Iss. 18]. 1958, pp. 122-178.
23. *Istorija Sibiri s drevnejshih vremen do nashih dnei. T. 1. Drevnjaja Sibir'* [The history of Siberia from ancient times to the present day. Vol. 1. Ancient Siberia]. Pod red. A. P. Okladnikova. Leningrad, Nauka, 1968, 454 p.
24. Rychkov S. Ju. *Polimorfizm mitohondrial'noj DNK v naselenii Pribajkal'ja jepohi neolita* [Polymorphism of mitochondrial DNA in the population of the Baikal region of the Neolithic era]. Diss. ... k. biol. n. Moscow, 2004, 128 p.
25. Kichigin D. E., Emel'janova Ju. A., Korostelev A. M. *Parnoe pogrebenie rannego bronzovogo veka mogil'nika Mys Juga* [Pair burial of the Early Bronze Age burial site Cape South]. In: *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij* [Proceedings of Laboratory of Ancient Technologies]. Vol. 15, No. 2. Irkutsk, 2019, pp. 29-46.